

развернули в Грозном в июле 1919 г., помимо двух калмыцких эскадронов, было два эскадрона, укомплектованных ногайцами [7, с. 102]. Боевой путь этой части был не очень долгим. Летом 1919 г. 5-й гусарский полк принимал активное участие в подавлении восстания в Чечне. Позже он был переброшен на реку Куму, где обеспечивал связь между Астраханским отрядом генерала Д. П. Драценко и партизанами нойона С.-Д. Б. Тюменя. 6 января 1920 г. при отступлении через г. Святой Крест александрийские гусары были разгромлены частями 11-й армии. В ходе боя многие гусары сдались в плен, в том числе несколько взводов. В результате этого 5-й Александрийский полк был сведен в два эскадрона (дивизион), которые через Грузию эвакуировали в Крым. 16 апреля 1920 г. он вошел в состав 1-го кавполка [3, с. 454], но национальных подразделений в его составе уже не было.

Анализируя действия этих национальных частей и соединений, мы должны признать, что за редким исключением они были не очень эффективными. Этому способствовал целый ряд факторов, как политических, так и сугубо технических. Если рассматривать технические проблемы, то тут следует отметить слабую работу тыла. Как правило, основными причинами медленного формирования этих частей была вовсе не нехватка «джигитов», а недостаток вооружения, денег и командного состава, владеющего языком подчиненных. Вызывают вопросы принципы отбора таких командиров, как Эммануэль, О'Рем, Маас, фон Менгден и др., ведь в составе Императорской армии было немало офицеров из числа осетин, вайнахов и дагестанцев. Часто при анализе донесений командиров видно, что у бойцов не доставало самого элементарного – обуви и одежды. Но все-таки главным фактором неуспешной деятельности национальных частей следует признать негибкую и нетерпимую к возможным проявлениям автономизации национальную политику. Руководство Белого движения не смогло заинтересовать

представителей национальной интеллигенции, привлечь их на свою сторону. Случаи перехода национальных меньшинств на сторону белых имели место в основном в первый год войны и, как правило, были спровоцированы красным террором или перегибами в политике Советов на местах. Репрессии белых отнюдь не улучшили положение дел. Неслучайно дагестанский большевик М. Кундухов писал: «Население ждет истинного порядка и культуры... Большевизм становится чуть ли не религией бедняков» [цит. по: 8, с. 232]. В горах в 1919 – 1920 гг. продолжали действовать отряды большевиков Н. Ф. Гикало, Б. Шеболдаева, А. Шерипова, Б. Калмыкова, Х. Кошокова, Н. Катханова, Арцханова, Тогоева и т. д. На территории горного Дагестана и Чечни вспыхнули мятежи религиозных лидеров – Алихаджи Акушинского, Узун-хаджи и др., поддержанных местными большевиками. Неудивительно, что в 1919 г. национальные меньшинства в большинстве своем отказались от поддержки белогвардейцев, а национальные соединения в скором времени распались из-за недостатка пополнений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918–1945 годы. М., 2007.
2. Рыбников В.В., Казаков В.Г., Ипполитов Г.М. «Белое дело» в литературе и источниках: историография исследования проблем белого движения в гражданской войне в России (1917–1922 гг.). М., 2001.
3. Волков С.В. Белое движение: энциклопедия гражданской войны. СПб.; М., 2003.
4. Шкуро А.Г. Записки белого партизана. М., 2004.
5. Путеводитель по фондам Белой армии. М., 1998.
6. Донсков. В Тавриде... // Улан Залата. №1. С. 38.
7. Вахрушев П. Александрийские гусары в бою за Св. Крест 6 января 1920 г. // Возрожденные полки русской армии в белой борьбе на Юге России. М., 2002.
8. Кадишев А.Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960.

ББК 63.3(2)615

РАСКУЛАЧИВАНИЕ КАЛМЫЦКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Е.Н. Бадмаева

В статье рассматривается раскулачивание калмыцкого крестьянства в период сплошной коллективизации в конце 1920 – начале 1930-х годов.

Ключевые слова: *калмыцкое крестьянство, коллективизация, кулаки, Калмыцкая автономная область, крестьянское хозяйство, конфискация, выселение.*

The article deals with the dispossession of the Kulaks in Kalmykia at the end of the 1920th and in the beginning of 1930th.

Keywords: *the Kalmyk peasantry, collectivization, the Kulaks, Kalmykia, collective farm, confiscation, deportation.*

Аграрный вопрос в России всегда стоял весьма остро, неоднократные попытки властей решить его сверху чаще имели насильственный характер, представляя собой периодические эксперименты над крестьянством. Калмыцкая автономная область – один из типичных сельскохозяйственных регионов, население которого свыше 90 % составляло крестьянство. Именно оно пострадало более всего в результате очередного эксперимента, проведенного советским государством в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Механизм проведения «раскулачивания» на территории Калмыкии имеет типичные для России в целом черты, в то же время отражая специфику региона, особенности социально-экономических отношений, обусловленные различными факторами. В числе этих факторов – преобладание сельского населения, неблагоприятные природные условия (частые суховеи и засухи), кочевой образ жизни, устойчивые национальные традиции. Поэтому изучение процессов, происходивших в рамках отдельно взятого аграрного региона, поможет дать более четкую, подробную, реальную картину процессов, происходивших в стране в целом.

Партийно-государственное руководство СССР во второй половине 1920 – первой половине 1930-х гг. называло кулака своим основным политическим противником в деревне. Его уничтожение считалось одной из главных целей «социалистического преобразования» сельского хозяйства. Официальное утверждение о наличии в СССР «кулачества» как класса обосновывало необходимость продолжения и еще большего ужесточения классовой войны. Для многих еще со времен комбедов слово «кулак» имело отталкивающий и уничижительный смысл. Статистические данные о численности кулацких хозяйств были ненадежны, испытывали влияние политической конъюнктуры. Поэтому еще до начала массовой коллективизации возникли споры о том, кого считать кулаком, а кого – тружеником.

Крупнейший экономист-аграрник того времени Н. Д. Кондратьев выступал против расширительного толкования понятия кулачества. Другой известный ученый А. В. Чаянов считал, что основным его признаком является применение в хозяйствах наемного труда, привлекаемого не в помощь к своему, а с целью получения нетрудовых доходов, а также наличие кабальных аренд и ростовщического кредита [1].

В 1928 – 1929 гг. к кулацким причисляли те крестьянские хозяйства, которые считались зажиточными и в которых использовался труд наемных рабочих-батраков. Эти два критерия использовались чаще других для определения «классовой» сущности той или иной крестьянской семьи. Оба критерия не имели четких количественных характеристик и были очень расплывчаты в своем содержании.

Критерий зажиточности представляется нам необъективным, ложным в своей основе. В конце 1920-х гг. зажиточность традиционно определялась общей стоимостью средств производства всей крестьянской семьи в целом, без учета числа ее членов. Относительно зажиточные семьи были наиболее крупными в деревне, они обычно имели по 10-12 чел. в своем составе. В 1929 г. в Калмыкии было экспроприровано 315 кулацких хозяйств или же 0,79 % всех хозяйств [2].

21 мая 1929 г. СНК СССР принимает постановление «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде». Оно относилось к кулацким хозяйствам, систематически применяющим наемный труд, за исключением тех случаев, когда это не влечет за собой лишения избирательных прав (таковых тогда лишались те, кто содержал более трех наемных рабочих). Это рассматривалось как первый признак кулацкого хозяйства. Вторым признаком – наличие промышленного предприятия (мельница, маслобойня и т.д.); третий – систематическая сдача в наем сельскохозяйственных машин с механическим двигателем; четвертый – сдача в наем оборудованных помещений под жилье или предприятие; пятый – занятие торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством; шестой – наличие других нетрудовых доходов [3]. Фактически каждый из этих признаков позволяет рассматривать любое хозяйство крестьянина как кулацкое. Создавалась возможность подвести под раскулачивание самые различные слои деревни.

Власти понимали, что основная часть крестьян не намерена добровольно вступать в колхозы. Поэтому было решено наиболее дееспособную ее часть сломить репрессиями. Этой цели служила политика «ликвидации кулачества как класса».

Выработка практических мероприятий по ликвидации «кулацких хозяйств» была начата в декабре 1929 г. комиссией Политбюро ЦК ВКП(б), в которую входили Я.А. Яковлев (председатель), А.А. Андреев, К.Я. Бауман, Ф.И. Голощекин, Б.П. Шеболдаев и др. Она пришла к выводу о том, что с переходом к сплошной коллективизации такая борьба с кулачеством, как недопущение его в колхозы и исключение из колхозов, недостаточна, что будто сама жизнь поставила вопрос о ликвидации кулачества. Комиссия высказалась за дифференцированный подход к кулачеству. В качестве практических мер было рекомендовано, во-первых, проводить в районах сплошной коллективизации экспроприацию всех средств производства кулацких хозяйств и передачу их в неделимый фонд колхозов. Во-вторых, предлагалось выселять и выселять тех кулаков, которые оказывают активное сопротивление установлению нового порядка в деревне. Для выработки более конкретных форм и методов ликвидации кулачества как

класса 15 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) образовало комиссию во главе с секретарем ЦК В.М. Молотовым.

Результатом работы этих комиссий явилось постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В этот же день оно было передано по телеграфу всем партийным организациям для исполнения.

В Калмыкии партийно-государственные структуры развернули массивное административное наступление на относительно зажиточных крестьян в марте 1929 г. Ходатайство обкома ВКП(б) и облисполкома получило одобрение органов власти Нижне-Волжского края, которые осуществляли непосредственное руководство Калмыцкой областью [4]. С конца 1929 г. особенно активно началось выселение бывших нойонов, зайсангов, крупных скотопромышленников и экспроприация их скота и имущества.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» отменяло действие закона об аренде земли: запрещалось, за некоторым исключением, использование наемного труда в единоличных хозяйствах. Кроме того, было дано указание полностью ликвидировать кулачество путем конфискации средств производства: скота, семян, орудий труда, хозяйственных сооружений и т.д. При этом раскулачивание не исчерпывалось изъятием средств производства. Та часть кулачества, которая активно выступала против коллективизации, подлежала аресту, а остальные – выселению из своих деревень.

Согласно постановлению, кулацкие хозяйства делились на три категории. К первой был причислен «контрреволюционный кулацкий актив», т.е. инициаторы и исполнители террористических актов, а также занимающиеся антисоветской агитацией, которые подлежали немедленному аресту, их имущество конфисковывалось. Ко второй отнесли наиболее богатых кулаков, которые оказывали пассивное сопротивление коллективизации и политике ликвидации кулачества. Их имущество также подлежало конфискации. Третью, наиболее многочисленную, категорию составили все остальные кулаки, а на самом деле – недовольные политикой Советской властью зажиточные крестьяне. Их после экспроприации средств производства расселяли в пределах области, но вне колхозных земель.

Однако директивы партии и правительства запоздали. Общественное сознание беднейшей части населения крестьянства, батраков, низовых партийных и советских работников давно было подготовлено к решительным действиям против богатых крестьян. К тому же обком партии в КАО разослал всем улусным комитетам секретное письмо с тре-

бованием усилить бдительность при проведении мероприятий по ликвидации кулачества [5].

Конкретные меры по раскулачиванию были изложены в специальной инструкции, утвержденной Президиумом ЦИК СССР 4 февраля. В ней подчеркивалось, что количество выселяемых кулацких хозяйств должно дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа ликвидируемых хозяйств с тем, чтобы общее их число составляло в среднем 3-5 %. «Настоящее указание (3-5 %), – говорилось далее в инструкции, – имеет целью сосредоточить удар по действительно кулацким хозяйствам и безусловно предупредить распространение этих мер на какую-либо часть середняцких хозяйств» [6]. Для этих целей в Калмыкии была создана специальная комиссия по раскулачиванию во главе с Х. Джальковым, который определил кулачество как главного врага социалистического переустройства деревни [7].

В Калмыкии первый этап произвола по отношению к крестьянству начался в феврале 1930 г. еще до начала массового колхозного движения. Это была невиданная по своим масштабам репрессивная кампания, резко отличавшаяся от антикулацких 1918-1920 гг. Тогда у зажиточных крестьян изымали «лишнюю землю», скот, продукты, теперь конфисковывали все имущество, а самих раскулаченных выселяли в отдаленные районы страны на вечное поселение. Бюро обкома ВКП(б), заслушав 10 февраля 1930 г. информацию начальника Калмыцкого отделения ОГПУ А. Павлова, определило конкретное количество раскулачиваемых хозяйств по улусам: Больше-Дербетовский – 125 кулацких хозяйств (500 человек), Мало-Дербетовский – 125 (500 чел.), Манычский – 150 (600), Яндыковский – 60 (240 чел.), Эркетеневский – 10 (40 чел.), Ики-Цохуровский – 10 (40 чел.), Багацохуровский – 10 (40 чел.), Хошеутовский – 6 (20 чел.), Калмбазаринский – 5 (20 чел.). Для подготовки спецоперации по раскулачиванию во все улусы направлялись ответственные работники обкома ВКП(б) и облисполкома, в помощь ОГПУ – сотрудники милиции [8].

Беззакония в Калмыкии творились повсеместно. Раскулачивание проводилось в административном порядке, без привлечения батрацко-бедняцких и середняцких масс, без соблюдения критериев, определяющих кулацкие хозяйства. В связи с развернувшимся раскулачиванием в области массовый характер приобретает уничтожение и распродажа скота. В 1930 г. поголовье всех видов скота сократилось на 30-35 % по сравнению с 1929 г. [9]. Как уже отмечалось, подлежащих раскулачиванию делили на несколько категорий. При этом критериями служили отношение к Советской власти и коллективизации, применение наемной силы, количество скота, размеры земельного надела и хозяйства. Но часто этих критериев не придерживались, так как нужно было любой ценой выполнить спущенный сверху план по

раскулачиванию. В этот период было конфисковано 61623 головы скота и другое имущество ориентировочно на 3720796 руб. [10].

В 1931 г. началась вторая волна репрессий по отношению к крестьянству. Была проведена экспроприация нойонов, зайсангов и крупных скотопромышленников, в результате чего были выселены 388 семей с конфискацией имущества. 27 июня руководством области было решено дополнительно раскулачить и выселить 1250 крестьянских семей (3,13 % общего числа крестьянских хозяйств области), всего 5625 человек [11].

Процесс раскулачивания и выселения зажиточных крестьян в Калмыкии продолжался до 1934 г. За период с 1929 по 1934 гг. по неполным данным было раскулачено 2195 крестьянских семей (почти 14 тыс. человек), из них 1821 выселен за пределы области, остальные раскулаченные хозяйства были разорены и переселены в другие районы Калмыкии [12].

Так была ликвидирована наиболее дееспособная, инициативная часть крестьян. Ни о каких уступках крестьянству не могло быть и речи. Сельское население России оказалось в полном подчинении у партийно-государственных органов власти.

Мировой процесс «раскрестьянивания», признанный как свершающийся факт, захватил Россию в XIX веке и особенно усилился в XX веке. Попытки государства ускорить его не экономи-

ческими, а политическими методами привели к катастрофическим последствиям, которые мы наблюдаем ныне. Экономические и социальные последствия драматического эксперимента в аграрной сфере конца 1920-х – 1930-х гг. только начинают осознаваться обществом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никонов А. Предмет исследований – труд земледельца // Наука и жизнь. 1988. № 5. С. 11.
2. НА РК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 6. Л. 36.
3. Коллективизация сельского хозяйства: важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935. М., 1957. С. 163.
4. НА РК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 8. Л. 33.
5. НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 366. Л. 5,7.
6. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М.: Наука, 1972. С.126.
7. НА РК. Ф.1. Оп. 1. Д. 291. Л. 178.
8. Максимов К.Н. Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. С. 82.
9. Отчет Калмыцкого облисполкома. Элиста, 1930. С. 30.
10. Очерки истории Калмыцкой АССР: эпоха социализма. М.: Наука, 1970. С. 167.
11. Максимов К.Н. Указ. соч. С. 89.
12. НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10. Д. 157. Л. 36; Д. 159. Л. 1–3, 11–13, 21; Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 178.

ББК 63.3 (2Рос=Калм.)

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В КАЛМЫКИИ (1993 – 2003 гг.)

Е.В. Сартикова

В статье рассматривается развитие национальной школы в Калмыкии как один из механизмов, использование которого позволяет народу сохранить свою культуру, передавая из поколения в поколение накопленный веками опыт, поддерживая связь времен, обеспечивая преемственность в жизни народа, неразрывность его национального бытия.

Ключевые слова: модернизация, национальная система образования, национальное самосознание, национальная школа, родной язык, обычаи, традиции.

The paper is devoted to the development of national school in Kalmykia as one of mechanisms which allows the people to keep culture, transferring from generation to generation the experience, saved by centuries, supporting communication of times, providing continuity in the life of the people, indissolubility of his national existence.

Keywords: modernization, national system of education, national self-consciousness, national school, native language, customs, traditions.

Потребность в исследовании названной темы диктуется объективными условиями развития малочисленных народов в российском государственно-политическом, экономическом и культурном пространстве. Поиск причин межнациональных противоречий, а также новых стимулов духовного возрождения народов в последние годы делает остроактуальным и неотложным изучение историчес-

ких корней общежития малых и больших народов, выявление традиционных и создание новых механизмов их взаимодействия.

Происходит процесс возрождения народов и их культур, чему в немалой степени способствует развитие национальной системы образования, в которой главенствующая роль отводится изучению родного языка (при сохранении двуязычия) и истории